

Н.П. Палецких*

N.P. Paletskikh*

**Материально-вещная среда
тыловой повседневности на Урале
(по свидетельствам эго-документов)**

**Material-Proprietary Environment
of the Rear Everyday Life
in the Urals (According to the Evidence
of Ego Documents)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-9

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-3-9

УДК 94(47).084.8(470.5)

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Палецких Н.П. Материально-вещная среда тыловой повседневности на Урале (по свидетельствам эго-документов) // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 96–106. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-09.pdf>

Paletskikh N.P. Material-Proprietary Environment of the Rear Everyday Life in the Urals (According to the Evidence of Ego Documents) // Historical Courier, 2020, No. 3 (11), pp. 96–106. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-3-09.pdf>

Abstract. The article is devoted to the study of the material and proprietary aspects of everyday life of the population of the deep rear during the great Patriotic war. The study was performed on the materials of the Greater Urals (Bashkir ASSR, Udmurt ASSR, Kurgan, Molotov, Sverdlovsk, Chelyabinsk, Chkalov regions). The research was based on documents of personal origin: diary entries, memoirs, and letters published in publications of various types and formats. Along with ego documents, archival sources of official origin were widely used. The source base allowed us to focus on the issues of inclusion of household items in the socio-cultural context of rear life. The author proceeds from the fact that on the eve of the war, social practices related to the organization and use of the material environment were built on a deficit matrix. In the extreme situation of war, the shortage of basic necessities became total. The factors that influenced this situation in the Urals are considered. Practices of providing and self-sufficiency of local and evacuated population with mass consumption items are described. There was a social differentiation in the industrial supply of urban and rural population. Changes in the status and functions of things are shown, and different aspects of people's attitude to things and to each other in regard to various things are described. The study of the topic allowed to come to the following conclusions: 1. in the long-term extreme situation of war, the pragmatic essence of things came to the fore, in people's perception they returned to the primary level of functionality; 2. The maximum functionality of things testified to the general (with a small and conspicuous exception) impoverishment of the material and proprietary environment of the rear everyday life; 3. Things not of the first vital necessity (gramophone, silk dress, jewelry, toys, etc.) became symbols of the former peaceful life and their possession could reflect the desire to "get away from the war"; 4. The practices of obtaining and using things differed depending on the status of people in the social space, but in any case they were in the nature of adaptation to the general situation "Everything for the front, everything for the victory over the enemy" and in the mass indicated their readiness to undergo everyday hardships.

Keywords: Great Patriotic War; rear everyday life; material and proprietary environment; mass consumption items; the Urals.

The article has been received by the editor on 20.05.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Палецких Надежда Петровна**, доктор исторических наук, Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск, Россия, e-mail: palenad@mail.ru

Paletskikh Nadezhda P., Doctor of Historical Sciences, State Historical Museum of the Southern Urals, Chelyabinsk, Russia, e-mail: palenad@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию материально-вещной стороны повседневной жизни населения глубокого тыла в годы Великой Отечественной войны. Исследование выполнено на материалах Большого Урала (Башкирской АССР, Удмуртской АССР, Курганской, Молотовской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей). Источниковую основу исследования составили документы личного происхождения: дневниковые записи, воспоминания, письма, опубликованные в изданиях разного характера и формата. Наряду с эго-документами привлекались архивные источники официального происхождения. Источниковая база позволила сконцентрировать внимание на вопросах включенности бытовых вещей в социокультурный контекст тыловой жизни. Автор исходит из того, что накануне войны социальные практики, связанные с организацией и использованием материально-вещной среды, выстраивались на дефицитарной матрице. В экстремальной ситуации войны дефицит предметов первой необходимости принял тотальный характер. Рассмотрены факторы, влиявшие на эту ситуацию на Урале. Охарактеризованы практики обеспечения и самообеспечения местного и эвакуированного населения предметами массового потребления. Отмечена социальная дифференциация в промтоварном снабжении городского и сельского населения. Показаны изменения в статусе и функциях вещей, охарактеризованы разные аспекты отношения людей к вещам и друг к другу по поводу вещей. Изучение темы позволило прийти к следующим выводам. 1. В долговременной экстремальной обстановке войны на передний план выходила прагматическая суть вещей, в восприятии людей они возвращались на первичный уровень функциональности. 2. Максимальная функциональность вещей свидетельствовала о практически всеобщем оскудении материально-вещной среды тыловой повседневности. 3. Вещи не первой жизненной необходимости (патефон, шелковое платье, украшения, игрушки и т.п.) становились символами прежней мирной жизни, и обладание ими могло отражать стремление «уйти от войны». 4. Практики добывания и использования вещей различались в зависимости от статуса людей в социальном пространстве, но в любом случае носили характер адаптации к общей ситуации «Все для фронта, все для победы над врагом» и в массе своей свидетельствовали о готовности претерпеть бытовые лишения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; тыловая повседневность; материально-вещная среда; предметы массового потребления; Урал.

Тема тыловой повседневности в специальной постановке вошла в уральскую историографию Великой Отечественной войны относительно недавно¹. Одним из перспективных направлений ее дальнейшей разработки представляется материально-вещная сторона повседневности и связанные с ней социокультурные изменения.

Многообразные суждения о мире вещей и моделях отношений людей к нему присутствуют преимущественно в социально-антропологической литературе. Классической работой, посвященной проблеме «*бытовых вещей*», является труд Ж. Бодрийера². В современных отечественных исследованиях³ используется типология режимов отношения людей к вещам, предложенная В.Б. Голофастом⁴. Не вдаваясь в детальный анализ его гипотезы, следует согласиться с М.А. Рыбловой в том, что «*в предложенной типологии не*

¹ См.: Гонцова М.В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011; Палецких Н.П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 1; и др.

² Бодрийер Ж. Система вещей / пер. с франц. М., 2001.

³ См.: Гурова О.Ю. Раздел 1. Вещи в советской культуре // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск, 2005; Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2010. Вып. X; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011. С. 183–199; и др.

⁴ Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1–2.

нашлось места режиму экстремальности, который с неизбежностью формируется в любом обществе в условиях антропогенных катастроф»⁵. Свою позицию М.А. Рыблова обосновывала на материалах Сталинграда военной поры. Задача нашей статьи – рассмотреть режим экстремальности на материале уральского региона, сконцентрировав внимание на вопросах включенности предметов массового потребления в социокультурный контекст глубокого тыла.

Жизнь уральцев в межвоенный период характеризовалась бытовой неприхотливостью, привычкой к скромному и слабо обновляемому вещественному набору. В 1930-е гг. взамен революционно-аскетического взгляда на количество и качество нужных человеку вещей

Патефон. Из фондов Государственного исторического музея Южного Урала.

продвигалась идея зажиточной и культурной жизни, наметилось расширение ассортимента товаров в магазинах. Так, в январе 1939 г. областная газета сообщила о том, что уже 79 жителей Челябинска, в основном стахановцев и командиров Челябинского тракторного завода, имеют собственные автомобили. В марте того же года газета напечатала беседу с директором сельмага из Шадринского района Устиновым, который рассказал: «Магазин получил 5 дамских дох ценою в 1200–2500 руб. Беспокоился: дохи – не сельский товар, пролежат несколько месяцев. Зря. Колхозники-стахановцы разобрали немедленно. Магазин продал партию баянов по 800 руб., полубаянов по 500 руб., 20 гармоний двухрядок, 5 дорогих чайных сервизов, много зеркал, балалаек, гитар, 37 железных коек <...> Быстро расходятся шерстяные и суконные изделия, обувь. Большой спрос на одеколон, духи, пудру, душистое мыло»⁶. Перечисленные вещи в тот момент символизировали достаток, доступный

передовикам производства. Однако вскоре статус большинства из них изменился: они стали восприниматься как «предметы роскоши». С началом Второй мировой войны проявился новый кризис снабжения. В целом, по замечанию Е.А. Осокиной, в СССР экономика товарного дефицита сформировала «особую социальную психологию, культуру дефицита»⁷. Накануне Великой Отечественной войны все социальные практики, связанные с организацией и использованием материально-вещной среды, выстраивались на дефицитарной матрице.

Важным признаком тыловой экстремальности явилось сужение до минимума возможности обзавестись новыми бытовыми вещами. Массовой поведенческой реакцией на начало войны стало «запасничество». Объемы продаж предметов первой необходимости резко выросли. У торговых прилавков образовывались многолюдные возвратные очереди, полки магазинов быстро пустели. Но в первые полгода войны свободная торговля сохранялась. Летом в кооперативных лавках, например, в Уфе еще можно было приобрести сапожный крем, нитки, ламповые стекла⁸. В октябре 1941 г. Б.С. Катаев, работавший заместителем председателя Челябинского облплана, записал в дневнике: «Теперь торговля идет рывками.

⁵ Рыблова М.А. Мир вещей и культура городской повседневности в экстремальных условиях // Социология города. 2015. № 4. С. 25.

⁶ Челябинский рабочий. 1939. 3 янв, 6 марта.

⁷ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 233.

⁸ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 472. Оп. 8. Д. 1465. Л. 24–25.

Получат какой-нибудь товар, выбросят, моментально создается огромная очередь, и все расхватывается. Вот отец встает за керосином в пять – половине шестого утра, и очередь его бывает 200–400. Стоит он на осеннем холодище целый день и получает – 2 литра. Жуть!»⁹

В последующее время свободная торговля промтоварами фактически исчезла. Тотальный дефицит был предопределен как довоенным состоянием легкой и местной промышленности, так и сокращением выработки товаров гражданского назначения в условиях войны, уменьшением поставок централизованных фондов. В разряд недоступных товаров попали ложки, тарелки, стаканы, иголки, пуговицы. В Свердловской области промкооперация сократила выпуск ведер в 3,5 раза, утюгов в 10 раз, лаптей в 20 раз; из производства совершенно выпали кровати, примусные горелки, сумки, портфели, чемоданы, корыта, топоры¹⁰.

Кризис снабжения промтоварами усиливался на фоне роста населения за счет эвакуированных. В дорогу им разрешалось брать лишь самое необходимое. Многие, полагая, что война и эвакуация ненадолго, приехали на Урал налегке. П.М. Ануприенко, прибывшая вместе с заводом в Чкалов (ныне Оренбург), вспоминала: «*Приехали одетые по московским морозам – в легких полусапожках, туфлях. Бывало, обмотаем поверх обуви всякие тряпки – вот и валенки готовы»*¹¹. Когда собирали в дорогу вещи эвакуируемому со школой подростку, соседка удивлялась: «*Зачем вы берете свитер и теплую рубашку? А валенки зачем? Ведь война к зиме, наверное, кончится»*¹². Для обустройства на новом месте приезжим понадобились базовые вещи повседневности: предметы домашнего обихода, одежда и обувь. Поначалу проблема решалась путем сбора вещей среди местного населения. Но этот источник, несмотря на то, что большая часть уральцев поделилась с приезжими всем, что имела, – был недостаточен, особенно в условиях города.

Серьезную роль в обеспечении своих работников играли цеха ширпотреба, запускаемые на промышленных предприятиях. Эвакуированный в декабре 1941 г. в г. Миасс на строительство автозавода инженер В. Шепель вспоминал: «*Обувь и одежда, в которой мы приехали из Москвы, стала расползаться, а заменить ее было нечем. На будущем заводе (пока – стройке) стали изготавливать обувь из текстиля на деревянной подошве. А что особенного? Ведь на Востоке ходят в «деревяшках», можно и нам попробовать. Ходить было с непривычки сложно и неприятно, но это был временный выход из положения»*¹³. Правительство выделяло целевые промтоварные фонды для эвакуированных, но в 1943 г. их перевели на снабжение на общих основаниях, т.е. по карточкам.

В уральских городах промтоварные карточки были введены с февраля 1942 г. Государственный распределительный механизм, основанный на нормировании снабжения потребителей, поддерживал социальную стратификацию. Рабочим полагались промтоварные карточки на 125 единиц, служащим – на 100, иждивенцам и детям – на 80. Однако скудость товарных ресурсов не позволяла гарантировать эти нормы, и в реальности карточная продажа была заменена ведомственным распределением на предприятиях. Оно шло через отделы рабочего снабжения (ОРСы) по «биркам», ордерам, талонам, которые выдавались работникам чаще всего в качестве премий. В этом случае вещи служили средством внеденежного поощрения. Н.А. Люцко-Волковая вспоминала: «*За постоянное перевыполнение плана на 200 и более процентов, за участие в общественной жизни цеха однажды мне дали талон на бесплатный пошив туфель <..> Сколько было радости, когда я получила новые «лодочки!»*¹⁴ Работницы завода шлифовщиков вспоминали, что выделяемые администра-

⁹ Катаев Б.С. Повседневность и война: Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб., 2016. С. 96–97.

¹⁰ Государственный архив Свердловской области. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5214. Л. 83–84.

¹¹ Цит. по: Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург, 1995. С. 35.

¹² Цит. по: Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. С. 111.

¹³ Цит. по: Корчагина Н.А. Заметки журналиста // Истоки. Краеведческий сборник № 8. Челябинск, 2015. С. 100.

¹⁴ Цит. по: Александров А.И. Девочки с патронного // Женское лицо Победы. 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Челябинск, 2001. С. 199.

цией и завкомом премии (отрезы ситца, цветочное мыло в коробочках, флакончики духов, носочки) распределялись по жребью. Директор завода Д.П. Скарлыгин объяснял проверяющим: «Все трудятся по-ударному, но отрезов ситчика у нас всего три, коробочек с мылом – пять. Что прикажете в этом случае предпринять?»¹⁵

Социальная дифференциация, неравенство возможностей в промтоварном обеспечении проявлялись в том, что нередко бирки и вещи распределялись бесконтрольно руководством предприятий нужным людям или ближнему кругу. На оборонном заводе в Свердловске за 9 месяцев 1944 г. промтовары получили всего 13 % работников, и половина из них относилась к командному составу. При этом некоторые взяли по 10 и больше вещей. Практика неумеренного самоснабжения вызывала негативную реакцию рядовых работников. К примеру, житель г. Карабаша в 1944 г. писал на фронт: «Начальство сыто по горло и одеваются в то, что и в мирное время не видели сроду, им и все отоваривают»¹⁶.

Сельское население обслуживалось кооперативной торговлей. Потребкооперация, как и ОРСы, являлась формой закрытого распределителя, но на условиях паевого членства. Централизованные фонды уральской потребкооперации назначались Наркомторгом РСФСР. Промтоварная группа охватывала узкий круг товаров: ткани, кожаную обувь, швейные изделия, мыло, керосин, спички, нитки, иглы. Уровень реального наполнения фондов был низким. Удмуртский потребсоюз в 1943–1944 гг. совершенно не получал хлопчатобумажные и шерстяные ткани, а кожаная обувь поступила в объеме 50 % от выделенных фондов. Подобные сбои наблюдались и в других местах. В Катайский район Курганской области, к примеру, на протяжении двух лет войны не поступало мыло для продажи населению¹⁷.

Объем товарной массы, шедшей через потребкооперацию, и без того малый, еще больше сокращался на товаропроводящих путях. Промежуточные звенья: облпотребсоюзы, райпо – поглощали большую долю товаров, назначенных сельскому рядовому потребителю. Председатель колхоза «Заря» Красноуфимского района Свердловской области А.П. Тернов в августе 1942 г. рассказывал М.С. Шагинян: «Очень неправильно происходит отоваривание деревни. В районе открыли 2 раймага и 1 сельмаг... Колхозники шли за 30–50 километров и становились в очередь – авось что-нибудь достанется... Прошлую осень в Красноуфимске во время уборки в конце августа на несколько миллионов [рублей] продавали мануфактуру. И она продавалась только там. Люди бросали убирать хлеб, шли туда, жили там неделями. В эту уборочную нет ничего, обуви нет»¹⁸.

Каналом массовой утечки товаров в системе потребкооперации являлось их распределение не по назначению. «Разбазаривание» происходило по запискам, устным распоряжениям местных начальников. Нарушалось существовавшее в те годы правило оставлять в райцентрах не более 15–20 % поступающих в район товаров. В августе-сентябре 1943 г. в райцентре Соликамского района Молотовской области (ныне Пермского края) осело 37 %, Куединского – 63 % промтоваров¹⁹.

Судя по бюджетным обследованиям семей колхозников Чкаловской области (ныне Оренбургской области), по сравнению с 1940 г. покупка ими тканей к концу войны сократилась в 5,1 раза, кожаной обуви – в 3,5 раза, резиновой – в 4 раза; хозяйственного мыла – в 2,8 раза, туалетного – в 7,9 раза, керосина – в 6 раз. В 1945 г. на 100 человек было приобретено 82,7 м тканей, 7,7 пар кожаной, 2,6 пар резиновой, 15,9 пар валяной обуви; 29,8 кусков хозяйственного мыла, 47,9 л керосина²⁰. Эго-документы рисуют картину катастрофического вещевого дефицита в деревне. Из воспоминаний С.Е. Шляховой: «У нас с сестрой было всего по

¹⁵ Цит. по: Подтяжкин Э.А. Круг вулкана. Челябинск, 2007. С. 78.

¹⁶ Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 39. Д. 240. Л. 108–116; Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-314. Оп. 1. Д. 208. Л. 9.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 14. Д. 773. Л. 102; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области. Ф. 166. Оп. 1. Д. 160. Л. 114.

¹⁸ Шагинян М. С. Уральский дневник (июль 1941 – июль 1943) // Новый мир. 1985. № 5. С. 169.

¹⁹ Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 17. Д. 17. Л. 150.

одной кофточке и по одной юбочке, когда мама стирала, а точнее просто пропаривала в печи нашу одежду, мы голенькие сидели возле печки и ждали, пока она высохнет. <...> Когда пришла гуманитарная помощь из Америки и начали делить одежду, то одному мальчику досталось платье. В нем он и ходил в школу, и никто над ним не насмехался»²¹.

В условиях дисбаланса между спросом и предложением бытовые предметы становились вещами «непрекращающегося потребления», подвергались многократной утилизации и приспособлению к нуждам хозяина. Главным местом приобретения вещей, бывших в употреблении, были базары. Мотивы обращения к «черному» или «серому» рынку (безденежному, натуральному товарообмену) были разными: как с целью спекуляции²², так и ради выживания. Во втором случае ценность вещей меняла для продавцов свой смысл: с вещами расставались, чтобы приобрести продукты питания. Распродавали свое «барахло» и местные жители, и прибывшие по эвакуации. По свидетельству Н.И. Кулаевой, жившей в Миассе, за годы войны ей пришлось продать велосипед (1300 руб.), отрез (400 руб.), жакет (1800 руб.), юбку (800 руб.), пиджак (500 руб.), книги (200 руб.), шторы (200 руб.). Вырученные деньги шли на питание²³. На продажу определялось все, что могло представлять хоть какой-то потребительский интерес. В дневнике В. Поповой описывалась предельная ситуация: «7.10.41. На толчке продаем все, что можно, чтобы наторговать очередную буханку. Галя наловчилась вязать из белого и черного сутажа дамские сумочки. Идут хорошо <...> 30.11.41. Долго размышляли, что еще можно продать на хлеб. Патефон решили сохранить до последнего. Начали продавать газетные подшивки»²⁴. Покупателями часто были те эвакуированные граждане, у кого имелись деньги, но не было вещей.

Отдельная тема – отношение эвакуированных к оставленному имуществу. Б.С. Катаев 3 августа 1941 г. записал впечатления от встречи с руководителем строящегося завода: «Директор – эвакуированный минчанин <...> Отравлен воспоминаниями о приятном житье в Минске в качестве управляющего республиканским трестом стройматериалов, о своей роскошной четырехкомнатной квартире в центре города, об отрезках на костюм и самих костюмах, оставленных в Минске, и о прочих приятных вещах»²⁵.

В связи с выходом в феврале 1942 г. постановления СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» «Правда» разъясняла: «Коль скоро война принудила к эвакуации, коль скоро заводы расположились в глубине страны, рабочим и служащим этих предприятий надо осесть на новых местах»²⁶. По поводу такого решения люди высказывали недовольство, беспокоились о судьбе имущества, оставленного в прежних квартирах: «При эвакуации обманули, теперь последние вещи, которые годами наживались, отнимают <...> и люди превращаются в нищих». Рабочие подавали заявления, в которых просили часть имущества им вернуть, а часть продать через комиссионные магазины и отдать деньги²⁷. Для решения этих вопросов создавались комиссии, но результаты их работы автору неизвестны.

²⁰ Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск, 1990. С. 177.

²¹ Цит. по: Глухих Л.В. Повседневная жизнь мокроусовцев в годы Великой Отечественной войны // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Курган, 2015. С. 83, 84.

²² См., например: Лончинская Л.Я. Антиспекулятивная политика и практика в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧГАА. 2012. Т. 62. С. 169–173.

²³ Чухарева Н.Н. Жизнь и быт жителей Миасса в годы Великой Отечественной войны // Сборник материалов научной конференции «Симоновские чтения», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Миасс, 2016. С. 155.

²⁴ Цит. по: Соловьева В.В. Стратегии адаптации работников промышленных предприятий Урала к бытовым условиям военного времени (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 28.

²⁵ Катаев Б.С. Повседневность и война ... С. 19.

²⁶ Правда. 1942. 18 февр.

²⁷ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 110. Л. 69, 70; Д. 128. Л. 17.

В 1943 г. по решению правительства СССР начался прием заявлений от людей, лишившихся имущества в результате эвакуации с оккупированных территорий – для получения компенсации. Такие заявления подали, например, руководители Уральского НИИчермет в Свердловске (директор и старший инженер), эвакуированные с Украины. Описи имущества, составленные ими, различались значительно и говорят как о социальном статусе авторов, так и об их отношении к своим вещам. Инженер К.М. Мокриевич указал, что выехал по эвакуации из Мариуполя, *«захватив с собой лишь необходимое платье и белье, оставив все имущество, приобретенное мной, в квартире»*. В опись утраченного он включил 14 позиций, в т.ч. техническую библиотеку, на общую сумму 27 150 руб. А директор Н.Ф. Исаенко в своей описи перечислил 48 позиций (от мягкого дивана до фетровой шляпы) на сумму 296 975 руб.²⁸

Всеохватный дефицит одежды и обуви вызывал такие потребительские практики, как совместное использование носильных вещей. Зачастую молодые люди, живущие в общежитиях, носили «выходные» костюмы и обувь по очереди. Посменная очередность использования, как способ восполнения нехватки спецодежды и спецобуви, широко применялась в производственной повседневности рабочих, например, шахтеров. Практиковалась она и в детских учреждениях. Завуч эвакуированного в село Дебессы литовского детдома А.М. Троицкая в июле 1942 г. писала в Наркомпрос Удмуртии: *«Проще стало с передачей одежды и обуви. Если раньше стоило больших сил и упорства [говорить] передать ботинки или валенки товарищу, когда имеющий обувь остается дома, то теперь эта необходимость понятна. Так была организована передача ботинок весной от 1-й смены ко 2-й, идущей в школу»*²⁹.

Дефицит новых предметов, рыночная дороговизна диктовали разные способы продления жизни вещей: приспособление для новой функции, починку и перелицовку, донашивание младшими поколениями. Важнейшими адаптационными практиками выступали самоделки и ремонт. Из воспоминаний В.П. Тимофеевой: *«Учились в две смены. Вторая обувь была по очереди. Форму старались шить сами. У многих одежда была в заплатках <...> Чернила были из разведенной сажки, ближе к концу войны стали разводить химические карандаши; на чистописании многие писали на оберточной бумаге, а на остальных уроках писали на склеенных газетах – там, где было свободное место: на краях, между строк»*³⁰.

Эго-источники содержат сведения о самотканых половиках, деревянных сундуках, детских штанишках из крапивных мешков, брезентовых тапочках, сшитых из рабочих рукавиц, одежде из *«неизносимой и крепчайшей чертовой кожи»* (тонкого брезента), вязаном платке из ваты *«на выход»*. В переделке и приспособлении вещей *«под себя»* важны были навыки рукоделия, сноровка и изобретательность. В помощь умельцам печатались полезные советы. Воспользоваться ими могли те, кто имел домашнее хозяйство и личный «фонд вторсырья». И они никак не могли быть применены обитателями заводских общежитий (основным занятым населением уральских городов военных лет). Для них ремонтной базой служили ОРСовские починочные мастерские.

Кое-где создавали образцовые общежития для молодых передовиков производства. На Ижевском машзаводе в такое общежитие вселили 45 бригадиров комсомольско-молодежных бригад. Здесь было чисто, имелись шторы на окнах, скатерти на столах, заправленные койки, цветы³¹. Но таких общежитий, где вещи коллективного пользования наряду с выполнением прагматической функции символизировали *«культурный»* образ жизни ударников, на Урале были единицы.

Отношение жильцов обычных общежитий к вещам выявляет общую тенденцию нарастания области девиантного поведения в тылу. В частности, распространение получили

²⁸ Трофимов А.В. Патриотизм уральского населения в социальном пространстве Великой Отечественной войны // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-2. С. 180.

²⁹ Горбачева С.В. Дети из Литвы в Удмуртии // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 186.

³⁰ Цит. по: Колмурина Р.Г. Дети войны // Истоки. Краеведческий сборник № 8. Челябинск, 2015. С. 18–19.

³¹ Удмуртская правда. 1944. 6 июля.

кражи личных вещей, разворовывание постельного белья, т.е. того, что можно вынести из общежития и продать на базаре. Бережливое отношение к одежде или обуви (а только они и были личным имуществом обитателей общежитий) состояло в том, чтобы уберечь их от кражи: не снимать вообще или укладывать под голову на время сна. Запись в дневнике Б.С. Катаева (24 февраля 1944 г.): *«Вообще воровство развелось сейчас в сильнейшей степени <...> И никакая казуистика по поводу того, что не все же воруют, здесь не поможет. Кто-то ворует “на законном основании” (блат), кому-то случай не подвертывается, кому-то трусость мешает, но так или иначе всеобщая нехватка действует развращающе, и мораль явно в упадке»*³².

В конце войны местными властями на Урале была обозначена назревшая гуманитарная проблема: *«Та молодежь, которая пришла в промышленность в 1941 году подростками, теперь взрослые люди, желающие создать семьи. Не помогать им в этом – не только наносить ущерб производству, но и преступление с точки зрения простой человеческой морали. <...> Желание трудящихся жить лучше будет возрастать. <...> А нет элементарного: ложек, кружек, <...> кроватей, столов, стульев, т.е. ничего. <...> Даже в условиях войны это нельзя терпеть»*³³.

Ценность вещей в тылу не исчерпывалась функцией личного или коллективного потребления, она приобрела оборонный смысл. На основании постановления ЦК ВКП(б) «О сборе теплых вещей и белья для Красной Армии среди населения» развернулось движение добровольных пожертвований, принявшее характер общегосударственного мероприятия с разверсткой заданий по районам. Б.С. Катаев 18 сентября 1941 г. записал в дневнике: *«сегодня сдаю пару белья (единственную свою смену), наволочку, полотенце, рукавицы и байковую пеленку на портянки. И представьте себе, что я, зампреда Областной плановой комиссии, не в состоянии больше ничего сдать, не рискуя сам остаться в чем мать родила»*³⁴.

Вещи для фронта изыскивались при любых обстоятельствах. Примечательно выступление на сессии Челябинского облсовета 24 ноября 1941 г. заместителя председателя облисполкома М.Д. Ковригиной: *«Валенки, конечно, не у каждого есть, их трудно бывает купить. Но наволочки верхние и нижние, простыни, портянки летние можно найти <...> Можно было прийти в селе к любой старушке и сказать ей – это важное мероприятие, и что она оставила себе покрыться, когда она умрет, то она бы разрешила и отдала. Но это нужно рассказать»*³⁵. В течение войны уральцы сдавали средства, в том числе драгоценные вещи в Фонд Оборона, на вооружение Красной армии, на строительство боевой техники, отправляли материальную помощь в освобожденные от оккупации районы.

Анализ уральских материалов позволяет сделать некоторые выводы. В долговременной экстремальной обстановке войны на передний план выходила прагматическая суть вещей, в восприятии людей они возвращались на первичный уровень функциональности: кровать – приспособление для сна, ботинки – защита для ног, стул – конструкция для сидения и т.д. Максимальная функциональность вещей свидетельствовала о всеобщем (за малым и бросающимся в глаза исключением) оскудении материально-вещной среды тыловой повседневности. Вещи не первой жизненной необходимости (патефон, шелковое платье, украшения, игрушки и т.п.) становились символами прежней мирной жизни, и обладание ими могло отражать стремление *«уйти от войны»*. Практики добывания и использования вещей различались в зависимости от статуса людей в социальном пространстве, но в любом случае носили характер адаптации к общей ситуации *«Все для фронта, все для победы над врагом»* и в массе своей свидетельствовали о готовности претерпеть бытовые лишения.

³² Катаев Б.С. Повседневность и война ... С. 209.

³³ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 146. Л. 41, 46.

³⁴ Катаев Б.С. Повседневность и война ... С. 54.

³⁵ Летопись Челябинской области: сб. док-тов и мат-лов. Челябинск, 2008. Т. 3. 1941–1945. С. 79.

Литература

Александров А.И. Девочки с патронного // Женское лицо Победы. 100 документов о женщинах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / гл. ред. А.П. Финадеев; отв. сост. Е.П. Турова. Челябинск: ЧПО «Книга», 2001. С. 193–201.

Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. М.: Рудомино, 2001. 224 с.

Глухих Л.В. Повседневная жизнь мокроусовцев в годы Великой Отечественной войны // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Д.Н. Маслюженко (отв. ред.), В.А. Кислицына. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 79–86.

Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 58–65.

Гонцова М.В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2011. 30 с.

Горбачева С.В. Дети из Литвы в Удмуртии // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 181–197.

Турова О.Ю. Раздел 1. Вещи в советской культуре // Люди и вещи в советской и пост-советской культуре: сб. ст. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 6–48.

Катаев Б.С. Повседневность и война: Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. СПб.: Издательский дом «Первоград», 2016. 312 с.

Колмурица Р.Г. Дети войны // Истоки. Краеведческий сборник № 8. Челябинск, 2015. С. 14–21.

Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.

Корчагина Н.А. Заметки журналиста // Истоки. Краеведческий сборник № 8. Челябинск, 2015. С. 88–112.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 183–199.

Лончинская Л.Я. Антиспекулятивная политика и практика в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЧГАА. 2012. Т. 62. С. 169–173.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.

Палецких Н.П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 59–63.

Подтяжкин Э.А. Круг вулкана. Челябинск, 2007. 270 с.

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск: МАГУ, 2002. 265 с.

Рыблова М.А. Мир вещей и культура городской повседневности в экстремальных условиях // Социология города. 2015. № 4. С. 22–35.

Соловьева В.В. Стратегии адаптации работников промышленных предприятий Урала к бытовым условиям военного времени (1941–1945) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 23–36.

Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2010. Вып. X. С. 497–514.

Трофимов А.В. Патриотизм уральского населения в социальном пространстве Великой Отечественной войны // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19-2. С. 177–185.

Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1995. 216 с.

Чухарева Н.Н. Жизнь и быт жителей Миасса в годы Великой Отечественной войны // Сборник материалов научной конференции «Симоновские чтения», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / сост. Д.В. Баннова. Миасс: Мастерская Правда, 2016. С. 152–158.

Шагинян М.С. Уральский дневник (июль 1941 – июль 1943) // Новый мир. 1985. № 5. С. 166–191.

References

Alexandrov, A.I. (2001). *Devochki s patronnogo* [Girls from the cartridge room]. In Finadeev, A.P., Turova E.P. (Eds.). *Zhenskoe litso Pobedy: 100 dokumentov o zhenshchinah Chelyab. obl. v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. 1941–1945 gg.* [Female face of Victory. 100 documents about women of the Chelyabinsk region during the Great Patriotic War. 1941–1945]. Chelyabinsk, Kniga, pp. 193–201.

Bodriyyar, Zh. (2001). *Sistema veshchei* [System of things / transl. from French]. Moscow, Rudomino. 224 p.

Chukhareva, N.N. (2016). *Zhizn i byt zhyteley Miassa v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Life and everyday life of Miass residents during the Great Patriotic War]. In Bannova D.V. (Ed.). *Sbornik materialov nauchnoy konferentsii “Simonovskie chteniya”, posvyashchennoi 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1944–1945 gg.* [Collection of materials of the scientific conference “Simonovsky readings”, dedicated to the 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic war of 1941–1945]. Miass, Pravdin’s Workshop, pp. 152–158.

Fedorova, A.V. (1995). *Orenburg v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Orenburg during the Great Patriotic War]. Orenburg, Orenburg publishing house. 216 p.

Glukhikh, L.V. (2015). *Povsednevnyaya zhizn mokrousovsev v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Daily life of Mokrousov residents during the Great Patriotic War]. In Maslyuzhenko, D.N., Kislitsyn, V.A. (Eds.), *Zauralie i Pobeda v Velikoy Otechestvennoy voine 1941–1945 gg: materialy redionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [TRANS-Ural region and Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945: materialy of the region. sci. and practic. conf.], Kurgan, Kurgan State University press, pp. 79–86.

Golofast, V.B. (2000). *Lyudi i veshchi* [People and things]. In *Sotsiologicheskii Zhurnal*. No. 1-2, pp. 58–65.

Gontsova, M.V. (2011). *Povsednevnyaya zhizn naseleniya industrialnogo tsentra v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh g. Nizhniy Tagil)* [Daily life of the population of the industrial center during the Great Patriotic War (based on the materials of Nizhny Tagil)]. Cand. hist. sci. diss. abstract, Nizhny Tagil. 30 p.

Gorbacheva, S.V. (1996). *Deti iz Litvy v Udmurtii* [Children from Lithuania in Udmurtia]. In *Arkhivy Urala*. No. 1, pp. 181–197.

Gurova, O.U. (2005). *Razdel 1. Veshchi v sovetskoj kulture* [Section 1. Things in Soviet culture]. In *Lyudi i veshchi v sovetskoj i postsovetskoj kulture*. Novosibirsk, Novosibirsk State University, pp. 6–48.

Kataev, B.S. (2016). *Povsednevnyy i voyna: Chelyabinskiy dnevnik 1941, 1943, 1944* [Everyday Life and war: Chelyabinsk diary 1941, 1943, 1944]. St.-Petersburg, Publishing house “Pervograd”, 312 p.

Kolmurzina, R.G. (2015). *Deti voyny* [Children of war]. In *Istoki. Kraevedcheskiy sbornik No. 8* [The Cradle. Local history collection No. 8], Chelyabinsk, pp. 14–21.

Korchagina, N.A. (2015). *Zametki zhurnalista* [Journalist’s Notes] In *Istoki. Kraevedcheskiy sbornik No. 8*, Chelyabinsk, pp. 88–112.

Kornilov, G.E. (1990). *Uralskaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Urals village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk, Publishing house of the Ural University, 221 p.

Krinko, E.F., Tazhidinova, I.G., Khlynina, T.P. (2011). *Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: Zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy* [The Everyday world of the Soviet man of the 1920s–1940s: Life in the conditions of social transformations]. Rostov-on-Don, UNC RAS Publ. house, pp. 183–199.

Lonchynskaya, L.Y. (2012). Antispekulyativnaya politika i praktika v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Antispekulyativnye policy and practice in the USSR during the Great Patriotic War]. In *Vestnik TSGAA*. Vol. 62, pp. 169–173.

Osokina, E.A. (1999). *Za fasadom “stalinskogo izobilija”*: *Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN. 271 p.

Paletskikh, N.P. (2015). Dosugovaya sfera tylovoy povsednevnosti na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Free time and leisure in the everyday life of the people in the Urals during the Great Patriotic War]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, No. 1 (46), pp. 59–63.

Podtyazhkin, E.A. (2007). *Krug vulkana* [Circle of the volcano]. Chelyabinsk. 270 p.

Potemkina, M.N. (2002). *Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny na Urale: lyudi i sudby* [Evacuation during the Great Patriotic war in the Urals: people and destinies]. Magnitogorsk, MAGU. 265 p.

Ryblova, M.A. (2015). Mir veshchey i kultura gorodskoy povsednevnosti v ekstremalnykh usloviyakh [The World of things and culture of urban everyday life in extreme conditions]. In *Sotsiologiya goroda*. No. 4, pp. 22–35.

Shaginyan, M.S. (1985). Uralskiy dnevnik (iyul 1941 – iyul 1943) [Ural diary (July 1941 – July 1943)]. In *Novyy Mir*, No. 5, pp. 166–191.

Solovyova, V.V. (2015). Strategii adaptatsii rabotnikov promyshlennykh predpriyatiy Urala k bytovym usloviyam voennogo vremeni (1941–1945) [Strategies of adaptation of workers of industrial enterprises of the Urals to everyday conditions of wartime (1941–1945)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, Ser. 2: Gumanitarnye nauki, No. 3 (142), pp. 23–36.

Tazhidinova, I.G. (2010). Tsennost veshchey: izmerenie voennogo vremeni [The Value of things: measurement of wartime]. In *Problemy rossiyskoi istorii*. Magnitogorsk, Vol. X, pp. 497–514.

Trofimov, A.V. (2015). Patriotizm uralskogo naseleniya v socialnom prostranstve Velikoy Otechestvennoy voyny [Patriotism of the Ural population in the social space of the Great Patriotic War]. In *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*, No. 19-2, pp. 177–185.

Статья поступила в редакцию 20.05.2020 г.